

Л. Калюжная

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940)

Михаил Афанасьевич Булгаков родился 3 (15) мая 1891 в Киеве и провел там детство и юность. Критика отмечала в стиле Булгакова-писателя яркие поэтические краски, острый малороссийский юмор, «чертовщинку», роднящие его с молодым Гоголем. Любовь к Киеву отразилась во многих произведениях Булгакова. «А Киев! – вспоминал его в Константинополе генерал Чернота (пьеса «Бег»). – Эх, Киев! — город, красота! Вот так Лавра пылает на горах, а Днепре! Днепр! Неописуемый воздух, неописуемый свет! Травы, сеном пахнет, склоны, доли, на Днепре чертовой!»

Отец писателя, Афанасий Иванович Булгаков, был родом из Орла и происходил из семьи священника. В Орле Афанасий Иванович окончил духовную семинарию, а ко времени рождения Михаила был магистром богословия и профессором Киевской духовной академии по кафедре истории и разбора западных исповеданий. Его диссертация с довольно экстравагантным текстом называлась «Очерки истории методизма», ему принадлежат также работы «Баптизм», «Мормонство», «Идеал общественной жизни в католичестве, реформатстве и протестантизме». Он являлся редким специалистом по демонологии, так что эта тема могла заинтересовать будущего писателя еще в родительском доме. Афанасий Иванович ушел из жизни в 1907 из-за болезни почек (нефросклероз). Мать, Варвара Михайловна, урожденная Покровская, дочь соборного протоиерея, родилась в городе Карачеве Орловской губернии и до замужества несколько лет работала учительницей.

В семье Булгаковых было семеро детей: четыре сестры и три брата. Семейство было дружное, веселое. «У нас в доме интеллектуальные интересы преобладали, – вспоминала сестра писателя Надежда Булгакова-Земская. – Очень много читали. Прекрасно знали литературу. Занимались иностранными языками. И очень любили музыку... наше основное увлечение была все-таки опера. Например, Михаил, который умел увлекаться, видел «Фауст», свою любимую оперу, 41 раз — гимназистом и студентом».

«Фауст» Гёте подскажет Михаилу Булгакову и основную идею «Мастера и Маргариты», выраженную словами гётевского Мефистофеля: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», которые стали эпиграфом романа, а также имя героини. Не случайно «Мастера и Маргариту» Булгаков называл «своим “Фаустом”».

По свидетельству сестры, любимыми писателями молодого Булгакова были Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов, а из западных — Диккенс. В доме читали и шумевших в ту пору Горького, Леонида Андреева, Куприна, Бунина.

Несмотря на артистизм натуры и влечение к литературе, Михаил Булгаков избрал профессию врача. Окончив медицинский факультет Киевского университета с отличием в 1916, он вступил в Красный Крест и добровольно уехал на юго-западный фронт. Работал в военных госпиталях Западной Украины, затем был переведен в Смоленскую область, служил врачом в селе Никольском, а с сентября 1917 — в Вяземской городской больнице.

Первая жена Михаила Булгакова Татьяна Николаевна Лаппа, с которой он обвенчался в 1913, вспоминала: «Там, в Вязьме, по-моему, он и начал писать; писал только ночами... Я спросила как-то: “Что ты пишешь?” — “Я не хочу тебе читать. Ты очень впечатлительная — скажешь, что я болен...” Знала только название — “Зеленый змий...”».

По словам Татьяны Николаевны, годы в Никольском и Вязьме были омрачены пристрастием Булгакова к морфию (рассказ «Морфий»).

Чувствовал он себя все хуже и хуже, пока наконец в состоянии крайнего физического и нервного истощения не уехал в Москву, где пытался получить

освобождение от военной службы. Привычку к морфию Булгаков преодолел, что почти невероятно и свидетельствует о силе его натуры, а возможно, и о покровительстве судьбы. Болезненный же опыт «расширенного сознания», без сомнения, был задействован в некоторых сценах «Мастера и Маргариты».

Врачебная практика молодого Булгакова нашла отражение в цикле рассказов «Записки юного врача» (1925–1927).

Из-за болезни октябрь 1917 прошел для Булгакова почти незамеченным. Вернувшись к нормальной жизни, с начала 1919 он поселился в Киеве и, как писал в одной из анкет: «...последовательно призывался на службу в качестве врача всеми властями, занимавшими город». Полтора года, проведенные в кошмаре Гражданской войны, дали ему материал для будущего романа «Белая гвардия» и рассказа «Необыкновенные приключения доктора» (1922).

Мобилизованный в Киеве белой армией Деникина, Булгаков был отправлен на Северный Кавказ военврачом. Опубликовав в Грозном свой первый рассказ, он сделал окончательный выбор в пользу литературы.

В 1920–1921, работая во Владикавказском подотделе искусств, Булгаков сочинил «с голодухи», как он выразился, пять пьес: «Самооборона», «Братья Турбины», «Глиняные женихи», «Сыновья муллы», «Парижские коммунары», которые желал бы забыть навсегда. «Как перед истинным Богом скажу, если кто меня спросит, чего я заслуживаю: заслуживаю я каторжных работ... Это за Владикавказ, – писал Булгаков в рассказе “Богема”, – ...грозный призрак голода постучался в мою скромную квартиру... А вслед за призраком постучался присяжный поверенный Гензулаев... Он меня подстрекнул написать вместе с ним революционную пьесу из туземного быта... Мы ее написали в семь с половиной дней, потратив таким образом на полтора дня больше, чем на сотворение мира... Одно могу сказать: если когда-нибудь будет конкурс на самую бессмысленную, бездарную и наглую пьесу, наша получит первую премию... Пьеса прошла три раза (рекорд), и вызывали авторов... я выходил и делал гримасы, чтобы моего лица не узнали на фотографической карточке (сцену снимали при магнии). Благодаря этим гримасам в городе расплылся слух, что я гениальный...» Кавказские впечатления отражены также в повести «Записки на манжетах» (1922–1923).

Булгакова посещали мысли об эмиграции, он даже пытался сесть на один из теплоходов, идущих в Константинополь. Это не удалось, и осенью 1921 вместе с женой он уехал в Москву. На первых порах работал и секретарем ЛИТО Главполитпросвета, и конферансье в каком-то театрике на окраине... Наконец острое перо помогло ему стать хроникером и фельетонистом некоторых московских газет. В редакции «Гудка» сотрудничал вместе с молодыми Ильфом, Петровым, Катаевым, Бабелем, Олешей. Попав в литературно-журналистскую среду довольно зрелым человеком, держался несколько особняком, называя шумные литературные заседания «балом в лакейской».

Заинтересовалась Михаилом Булгаковым и русская газета «Накануне», издававшаяся в Берлине. «Шлите побольше Булгакова!» – писал оттуда Алексей Толстой московскому сотруднику газеты Э. Миндлин. В литературном приложении к «Накануне» были опубликованы рассказы Булгакова «Похождения Чичикова» (о том, как гоголевские герои обживаются при Советах), «Красная корона», «Чаша жизни» (все 1922), отрывки из «Записок на манжетах», «Багровый остров. Роман тов. Жюль Верна. С французского на эзоповский перевел Михаил А. Булгаков». По словам писателя, темой его первых рассказов, повестей и фельетонов являлись «бесчисленные уродства нашего быта».

«...Булгаков очаровал всю редакцию светской изысканностью манер, – вспоминал его в ту пору Миндлин. – ...Все — даже недоступные нам гипсово-твердый, ослепительно свежий воротничок и тщательно повязанный галстук... целованье ручек у дам и почти паркетная церемонность поклона, — решительно все выделяло его из нашей среды. И уж конечно, конечно, его длиннополая меховая шуба, в которой он, полный достоинства, поднимался в редакцию...»

Такой светский антураж, как и знаменитый булгаковский монокль, некоторым казался неуместным фрондерством — на фоне всеобщей разрухи, хотя в этом нетрудно угадать и обостренное чувство достоинства, и предощущение своей причастности истории. Любовь Евгеньевна Белозерская, в 1924 ставшая второй женой Булгакова, заметила в воспоминаниях: «Мы часто опаздывали и всегда торопились. Иногда бежали за транспортом. Но Михаил Афанасьевич неизменно приговаривал: “Главное — не терять достоинства”. Перебирая в памяти прожитые с ним годы, можно сказать, что эта фраза, произносимая иногда по шутливому поводу, и было кредо всей жизни писателя Булгакова».

В дневниках Михаила Булгакова за 1925 встречается запись. «Сегодня в “Гудке” в первый раз с ужасом почувствовал, что я писать фельетонов больше не могу. Физически не могу». Начинаясь Булгаков-писатель. К тому времени в альманахе «Недра» вышли две его повести: «Дьяволиада» (1924) — сатира на советскую бюрократию, а также «Роковые яйца» (1925) — о научном открытии «луча жизни», который в невежественных руках представителей новой власти становится лучом смерти.

Созданная в этом же году блестящая философско-сатирическая повесть «Собачье сердце» опубликована не была (вышла лишь в 1987). «Это острый памфлет на современность, — писал о повести всеильный зампред совнаркома Л.Б. Каменев, — печатать ни в коем случае нельзя». Со своей колокольни он был прав. В «Собачьем сердце» Булгаков бросил вызов самой идее революции — социальному равенству, понимаемому как то, что «любая кухарка может управлять государством». Не может, — показал Булгаков. Человек, берущийся не за свое дело и не имеющий к нему способностей, становится разрушителем. «Что такое эта ваша разруха?.. — говорит профессор. — Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха». Добрейший пес Шарик, превращенный в ходе хирургического эксперимента профессором Преображенским в «пролетария Шарикова», едва встав на две конечности, начинает агрессивно посягать на роль «начальника» жизни и чуть не сживает со света своего «папашу» профессора.

Булгаков не верил в возможность революционных (хирургических) преобразований, противопоставляя им путь естественной эволюции. Пережив ужас общения со своим созданием, к этой же мысли приходит и профессор Преображенский: «...Зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно!.. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого... человечество само заботится об этом и, в эволюционном порядке каждый год упорно выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар».

Во время обыска в 1926 повесть вместе с дневниками писателя была изъята органами ОГПУ.

К слову сказать, знаменитую фразу «Рукописи не горят», которую в «Мастере и Маргарите» произносит Воланд, подтвердила сама жизнь. Через два года по ходатайству Горького рукопись «Собачьего сердца» и дневники Булгакову вернули. Дневниковые записи он тут же сжег, и они считались погибшими. В конце восьмидесятых годов Комитет государственной безопасности передал в Центральный государственный архив литературы и искусства машинописную и фотографическую копии дневников писателя. В 1997 они были изданы отдельной книгой и разъяснили многие темные пятна в биографии и творчестве писателя. Так что *нужные* рукописи действительно не горят.

В 1925 в журнале «Россия» вышли две части первого булгаковского романа «Белая гвардия» (полностью был опубликован за границей, у нас — в 1966). М. Волошин, назвавший Булгакова «первым, кто запечатлел душу русской усобицы», писал о романе издателю Н. Ангарскому: «Эта вещь представляется мне очень крупной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого».

На основе «Белой гвардии» была создана пьеса «Дни Турбиных», премьера которой состоялась во МХАТе 5 октября 1926 и вызвала необычайный успех у зрителя. Отсутствие тенденциозности в изображении гражданской войны дало повод критике обвинить автора в апологии белого движения и назвать его «внутренним эмигрантом». На одном из обсуждений «Театральной политики советской власти» (доклад Луначарского) Маяковский шумел в адрес МХАТа: «...Начали с тетей Маней и дядей Ваней и закончили “Белой гвардией”! (Смех) ...Мы случайно дали возможность под руку буржуазии Булгакову пискнуть — и пискнул. А дальше мы не дадим. (Голос с места: “Запретить?”). Нет, не запретить. Чего вы добьетесь запрещением? Что эта литература будет разноситься по углам и читаться с таким же удовольствием, как я двести раз читал в переписанном виде стихотворения Есенина...»

«Глашатай революции» предлагал попросту освищать «Дни Турбиных» в театре.

Маяковский не раз был партнером Булгакова по игре в бильярд, но «гражданская война» их взглядов продолжалась до трагического конца поэта. «Если в стихотворении “Буржуй-Нуво” Маяковский говорил, что “Дни Турбиных” написаны на потребу нэпманам, — вспоминала Любовь Белозерская, — то в “Клопе” предсказывается писательская смерть М.А. Булгакова. Плохим пророком был Владимир Владимирович! Булгаков оказался в словаре не умерших, а заново оживших слов...»

Защищало пьесу, как ни парадоксально, имя Сталина, который, судя по протоколам театра, смотрел ее семнадцать раз. Вряд ли это объясняется только политическими мотивами. Сталин сам от природы владел даром стихосложения (сохранились его юношеские стихи), и пристальный интерес вождя к литературной жизни стран — а читал он все мало-мальски заметные вещи — был не только идеологического происхождения. Михаила Булгакова он ценил как художника и, возможно, как честного человека, осмелившегося остаться самим собой. А. Тихонов, хлопотавший на приеме у Сталина за пьесу Эрдемана, передал такие слова вождя: «Эрдман мелко берет... Вот Булгаков!.. Тот здорово берет! Против шерсти берет! Это мне нравится!»

Период с 1925 по 1929 можно назвать самым благополучным в творческой жизни Булгакова. «Дни Турбиных» поставили Михаила Булгакова в первый ряд драматургов, его пьесы шли в лучших театрах столицы: «Зойкина квартира» (1926) — в Театре Вахтангова (эту пьесу Сталин смотрел восемь раз), в 1928 на сцене Камерного театра была осуществлена постановка «Багрового острова». Правда, критика его пьес в печати продолжалась. Булгаков собирал все рецензии и клеивал их в специальный альбом. По его подсчетам, среди них было 298 отрицательных и всего три положительных.

В конце 1920-х пьесы Булгакова были сняты с репертуара, а его проза для публикаций считалась «непроходимой». Он был обречен на молчание и несколько раз обращался к ответственным лицам страны с просьбой отпустить его с женой за границу, на что не получил ответов. Наконец в отчаянную минуту, 28 марта 1930, Булгаков написал и отослал письмо «Правительству СССР», которое звучит как исповедь писателя. Вот несколько основных положений:

«После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я был известен, как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет:

Сочинить «коммунистическую пьесу» (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить

коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым...

...Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, мой писательской долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что если бы кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода.

Вот одна из черт моего творчества... Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М.Е. Салтыкова-Щедрина.

И, наконец, последние мои черты в погубленных пьесах «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и мира». Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря на свои великие усилия БЕССТРАСТНО СТАТЬ НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ — аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченным человеком в СССР...

Я прошу Советское Правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене...

Я прошу принять во внимание, что невозможность писать равносильна для меня погребению заживо...

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР...

Если же и то, что я написал, неубедительно и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское правительство дать мне работу...

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошусь на должность рабочего сцены...»

Когда читаешь это беспримерное по смелости письмо, на память приходит мысль, высказанная Михаилом Пришвиным: «Может быть, и правда, секрет творческого таланта — в личном поведении автора?»

После «Письма» последовал знаменитый телефонный звонок Сталина на квартиру к Булгакову: «А может быть, правда, пустить вас за границу? Что, мы вам очень надоели?» И затравленный Булгаков сделал неожиданный выбор: «Я очень много думал в последнее время, может ли русский писатель жить вне родины, и мне кажется, что не может». Ему было предоставлено место режиссера МХАТа.

В октябре 1937 Михаил Булгаков писал Б. Асафьеву: «За семь последних лет я сделал шестнадцать вещей разного жанра, и все они погибли. Такое положение невозможно... В доме у нас полная бесперспективность и мрак». Действительно, из неувидевших сцены пьес и неопубликованных произведений можно составить целый мартиролог. Репетировались, но не были доведены до постановки пьеса «Бег» (1927), продолжавшая тему «Белой гвардии», оборонная пьеса «Адам и Ева» (1931), фантастическая комедия «Блаженство» (1934), пьеса-гротеск «Иван Васильевич» (1935),

которую сегодня все знают по замечательному фильму «Иван Васильевич меняет профессию», а также заказная пьеса о юности Сталина «Батум» (1939). Драма «Александр Пушкин. Последние дни» (1939) появилась на сцене МХАТа только после смерти Булгакова, как и его инсценировки «Полоумный Журден», «Война и мир» (обе 1932), «Дон Кихот» (1938). Исключение составили лишь инсценировка «Мертвых душ», поставленная во МХАТе в 1932 и надолго задержавшаяся в его репертуаре, а также возобновленные по решению правительства в 1932 «Дни Турбиных». Ни одно из драматургических произведений Булгакова при его жизни опубликовано не было.

Художественно-документальная повесть «Жизнь господина де Мольера» (1933), написанная Булгаковым по предложению Горького для серии «Жизнь замечательных людей», тоже не увидела света, а пьеса «Мольер» в 1936 прошла на сцене МХАТа всего несколько раз.

Театральный роман с этой труппой исчерпал себя. Булгаков, порвав с МХАТом, перешел на работу в Большой театр либреттистом, а злосчастная судьба драматурга стала темой автобиографического произведения, так и названного — «Театральный роман» (1937). «Сегодня у меня праздник, — сообщил Булгаков в одном из писем 3 октября 1936. — Ровно десять лет тому назад совершалась премьера «Турбиных». Сажу у чернильницы и жду, что откроется дверь и появятся Станиславский и Немирович с адресом и подношением... Ценное же подношение будет выражено в большой кастрюле... наполненной той самой кровью, которую они выпили из меня за десять лет». Кстати, первоначальное название «Театрального романа» было вполне погребальным — «Записки покойника».

Кажется невероятным, что Булгаков не только преодолел все эти испытания, находясь в оппозиции и к власти, и к «революционному авангарду» как стилю, и к литературной среде, но при этом имел силы писать «в никуда» свой великий роман «Мастер и Маргарита».

Правда, у Булгакова была Елена Сергеевна, свято верившая в его гениальность и, видимо, посланная ему самой судьбой. Ведь когда два уже немолодых человека порывают каждый со своим устоявшимся семейным бытом, чтобы соединиться на неизвестность, — это любовь.

«За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви?» — так начинается вторая часть романа «Мастер и Маргарита», подарившего Михаилу Булгакову вечность. Елене Сергеевне предназначено было стать и его вдохновительницей, и прототипом героини. «Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть Мастером. Она нетерпеливо дожидалась обещанных уже последних слов о пятом прокураторе Иудеи, нараспев и громко повторяла отдельные фразы, которые ей нравились, и говорила, что в этом романе — ее жизнь», — писал автор о Маргарите.

Познакомились Булгаков и Елена Сергеевна в доме у общих знакомых в 1929. Она — благополучная жена крупного советского военачальника, к тому же и красавца, он — драматург, терпящий творческое крушение, когда под овации критики одна за другой убиралась со сцены его пьесы. «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих. Так поражает молния, так поражает финский нож!» — говорит Мастер в романе, а вот как вспоминает их встречу сама Елена Сергеевна: «Это была быстрая, необычайно быстрая, во всяком случае с моей стороны, любовь на всю жизнь».

Была не только любовь, был скандал с мужем, отцом ее двоих сыновей, был бурный разговор мужа с соперником, при котором, как в настоящих романах, фигурировал даже пистолет (к счастью, не пущенный в ход), был «домашний арест», выдержанный Еленой Сергеевной полтора года... «Но, очевидно, все-таки это была судьба, — вспоминала она много лет спустя. — Потому что когда я первый раз вышла на улицу, я встретила его, и первой фразой, которую он сказал, было: “Я не могу без тебя жить”. И я ответила:

“И я тоже”. И мы решили соединиться, несмотря ни на что. И тогда же он мне сказал: “Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках”... И я, смеясь, сказала: “Конечно, конечно...” Он сказал: “Я говорю очень серьезно, поклянись”. И в результате я поклялась».

Роман, в окончательном варианте названный «Мастер и Маргарита», был начат еще до встречи с Еленой Сергеевной, в 1928, и назывался тогда «Черный маг» или «Копыто дьявола». Сюжетная линия о любви Мастера и Маргариты появилась позже — во второй части. Вообще же в романе три самостоятельных сюжетных пласта — Воланд, посетивший Москву и наделавший много шума, Мастер и Маргарита, а также «евангельские главы» о Понтии Пилате и Иешуа Га-Ноцри, — сплавленные творческой волей автора в некое единство, что и по сей день доставляет много хлопот критикам: кто главный герой? не является ли эта книга апологией дьявола? каково «исповедание веры» самого Булгакова? и т. д.

Представляется, что ближе всех к разгадке основной мысли романа подошел Петр Палиевский: «Заметим: нигде не прикоснулся Воланд, булгаковский князь тьмы, к тому, кто сознает честь... Но он немедленно просачивается туда, где ему оставлена щель, где отступили, распались и вообразили, что спрятались: к буфетчику с «рыбкой второй свежести» и золотыми десятками в тайниках; к профессору, чуть подзабывшему Гиппократову клятву... Так или иначе, но все несомненное выступает мысль: наглецы из компании Воланда играют лишь роли, которые мы сами для них написали... то самое, что другой русский писатель (Василий Розанов. — *Л.К.*) определил как «мы гибнем... от неуважения себя».

Был ли Михаил Булгаков верующим человеком? Ответ можно найти у него самого. 5 января 1925 Булгаков записал в дневнике: «Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кошунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены».

Возможно, именно в это время и возник замысел романа, который, как мы помним, начинается с того, что поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный, обсуждал с редактором журнала Берлиозом свою поэму, где очертил «главное действующее лицо... то есть Иисуса, очень черными красками... Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки...» Тут-то перед ними и возник Воланд со своей шайкой.

Булгаков писал «Мастера и Маргариту» двенадцать лет, последние вставки он диктовал Елене Сергеевне за две недели до смерти и взял с нее клятву, что роман она опубликует.

В сорок восемь лет его настигла та же болезнь, которая в этом же возрасте унесла из жизни отца, — нефросклероз. Перед женитьбой Михаил Афанасьевич говорил Елене Сергеевне: «Я буду умирать тяжело». К сожалению, и здесь он оказался пророком. Перед смертью он ослеп, испытывал невыносимые боли, почти потерял речь, но Елена Сергеевна сдержала свою клятву — не отдала его в больницу. Он умер, держа ее за руку. Случилось это 10 марта 1940. Сдержала она и другую клятву — опубликовала его произведения.

Перед уходом Михаил Афанасьевич успел сделать важные для него распоряжения: послал свою сестру Лелю за Татьяной Николаевной, его первой женой, чтобы попросить у нее прощения (при расставании он сказал ей: «Меня за тебя Бог накажет» и, видимо, помнил это всю жизнь), но ее в Москве не оказалось, а также попросил своего друга П.С. Попова отслужить по нему панихиду.

Михаил Афанасьевич Булгаков похоронен на Новодевичьем кладбище. До начала 1950-х годов на его могиле не было ни креста, ни памятника. Елена Сергеевна не раз

захаживала в прикладбищенскую мастерскую в поисках надгробной плиты и однажды заметила в яме среди обломков мрамора огромный черный камень. «Что это?» – поинтересовалась у гранильщиков. — «Да Голгофа». — «Как Голгофа?» Ей объяснили, что на могиле Гоголя стояла Голгофа с крестом, пока к юбилею не поставили новый памятник. Камень этот, по преданию, выбрал в Крыму Иван Аксаков и привез в Москву на лошадях. «Покупаю», – не раздумывая сказала Елена Сергеевна. Так гоголевская Голгофа стала надгробным памятником Булгакова.

Когда-то Михаил Булгаков писал Павлу Попову, вспоминая Гоголя: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью». По слову и сбылось.